

— Твое сокровище?

Златоглазый человек сел в кресло, свитое из черных лоз, которое ранее не было обнаружено Енохом, улыбнулся одним уголком рта и спросил: — Разве сокровище не должно принадлежать Ахеросу?

— Он уже мертв, — Енох уже не отличал белого от черного, говоря откровенно неразумные вещи, — После его смерти все сокровища стали моими.

— Нет.

Сказав это, златоглазый человек поднялся с кресла из черных лоз и подошел к Еноху.

Енох не был уверен, что именно отрицает услышанное им "нет".

— То, что Ахерос мертв?

— Или то, что сокровища Ахероса отныне принадлежат ему?

Когда златоглазый вновь заговорил, Енох осознал, что именно означает это возражение: — Я не крал твоего сокровища.

С приближением незнакомца Енох понял, отчего его присутствие было настолько незаметным.

Из-за того, что цвет кожи этого человека почти совпадал с цветом кожи его соседа Мики — серовато-черный. На нем был лишь черный шелковый халат, так что, скрывшись в тених, он полностью сливался с ними. Если бы он не открыл глаза и не заговорил, кто бы вообще смог его заметить?

Облик прирожденного вора!

И он все еще смел утверждать, что не крал сокровища Еноха?!

Енох уставился на него.

Но златоглазый человек подошел к Еноху, указал на опустевшую тарелку, где прежде лежал съеденный Енохом фуа-гра, и сказал: — Я тот идиот, кто приготовил это.

— ...о, так ты повар?

Енох был немного смущен и отчасти озадачен — почему у адских поваров такое выдающееся телосложение?

То злобное чудище из Восточного ада было поваром. А теперь, в Западном аду этот стоящий перед ним темнокожий и златоглазый мужчина тоже оказался кулинарум.

Его рост и телосложение совершенно отличалось от Еноха — он был широкоплеч и массивен. Синеватые вены на тыльной стороне его рук вздымались словно горные хребты, а на талии, приоткрытой халатом, были четко очерчены мышцы живота, объемные и выпуклые, полные силы и дикой красоты. Должно быть потому с его приближением, отбрасываемая им необычайно темная тень несла с собой очень сильное давящее чувство.

Находиться в его тени было все равно что стоять перед горами Цзинъи Бэйэр, ощущая себя маленьким, жалким и слабым.

Так что Енох взглянул на него еще раз.

Все еще недовольный, он желал прогнать его подальше: — Ты ужасно готовишь, и нуждаешься в дальнейшей практике. Я, кстати, все еще не наелся. Иди и приготовь мне еще несколько блюд.

Но златоглазый человек не подчинился его приказу. Он просто слегка нагнулся, чтобы лучше видеть золотые кудри и сапфировые глаза Еноха: — Ангел?

Енох замолчал, сдвинул кудри, прикрывавшие его сломанный рог, и указал на него.

Взгляд мужчины проследовал от рожек на голове юноши к его маленьким и слабым крылышкам летучей мыши, после чего он задрал бровь: — О, демон похоти.

Енох: — ?

Енох пришел в ярость.

Он настолько разгневался, что даже его шея и ключицы совершенно порозовели.

— Башка твоя — демон похоти!

Выругавшись, он захлопал крыльями, взлетая выше златоглазого чернокожего, так что его белая роба певчего отбросила на лицо мужчины глубокую тень: — Я демон, жестокий и безжалостный!

Златоглазый задрал голову, смотря на Еноха, и негромко вздохнул: — Что ж, с этого ракурса зрелище и в самом деле весьма жестокое.

— Ладно, — добавил он, — не лети выше, не то ударишься о потолок.

Стоило ему это сказать, как Енох жалостно всхлипнул: — Уууу!

— ...

Предупреждение запоздало. Енох уже ударился изнутри о череп дракона.

Енох потерял свой рог, там где болело от удара, в его глазах начали копиться слезы, пока, наконец, две капли не скатились по его щекам, но рот его продолжал изрыгать ругань: — Проклятый Ахерос, ублюдок этакий! Как он может издеваться надо мной даже после своей смерти?

— Сдаюсь, ты меня раскусил, — вздохнул златоглазый, — я и вправду собираюсь издеваться над тобой.

Енох: — ...?

Енох моргнул, но его затуманенное зрение все еще не прояснилось. Он почувствовал, как кто-то ухватился за подол его певческой робы, и не успел он опомниться, как его выдернули из парения и потянули вниз, пока он вновь не оказался на столе из черных лоз.

Теперь Енох уже не был в состоянии высокомерно взирать на златоглазого.

Наоборот, мужчина свысока смотрел на Еноха, и его вертикальные щели зрачков посреди золотых радужек сузились, говоря о том, что хладнокровный хищник выбрал свою добычу.

Голос его был полон сострадания и нежности, но слова, сказанные им Еноху, были действительно жестокими: — Кем бы ты ни был ранее, отныне у тебя всего одно предназначение.

Енох был достаточно напуган, чтобы немного протрезветь. Переполненный инстинктивным страхом перед опасностью, с лицом, переполняемым паникой, он спросил: — К-какое?

— Быть моим рабом.

Златоглазый мужчина ответил низким и звучным голосом, а затем достал ошейник из мягкого бархата с прицепленной к нему серебряной цепью, того же цвета, что и серебряные волосы

мужчины, затянутые в длинный хвост.

Когда он склонился вперед, несколько серебряных прядей, подобных лунному свету, потерялись о кончик носа Еноха, дав ощущение легкой прохлады.

Надев бархатный ошейник на Еноха, он погладил его мягкие и пушистые кудри, так же, как гладил бы и щенка: — 452-й, это твой рабский номер, а также имя, дарованное мной тебе.

— Мое же имя — Ахерос.

— Тот самый ублюдок и твой повелитель вовеки веков.

Под его пристальным взглядом зрачки Еноха сперва расширились от удивления, а затем вновь сократились до размера булавочной головки, так как бледный драконий череп, казалось, вернулся к жизни. Его массивная пасть широко распахнулась, позволяя тусклому свету снаружи проникнуть внутрь.

Енох, стоявший лицом к свету, не видел как движутся губы мужчины — его уши переполнял оглушительный драконий рёв и пронзительное завывание ветра.

Бурное сердцебиение Еноха пересилило весь шум и грохот, когда он увидел, как за спиной мужчины распахнулись тёмные драконьи крылья, настолько большие, что заслонили собой весь свет. Окутанный мглой он был похищен мужчиной, взлетевшим в бескрайнюю пустоту неба, прямо в облака.

С самого своего грехопадения Енох никогда не взлетал так высоко.

Как если бы он покинул глубины жестокого и кровавого Ада, воспарив к высочайшему элизиуму счастья и красоты, вершине всех желаний.

Конечно, на самом деле Енох долетел лишь до высочайшего из пиков Цзинги Бэйэр — замку, возвышавшемуся посреди ярости снежной бури.

Иронично, что у замка по соседству с адом на вершине самой высокой башни высился черный крест, устремлявшийся прямо ввысь, словно желая пронзить холодное серое небо над ним.

Тень крыльев злого дракона скользнула по изящным резным окнам-розеткам замка.

Слуги замка Панкратия, увидев это, спешно зажгли свечи в массивных золотых настенных канделябрах. Пламя свечей трепетало под холодным ветром, принесенным возвратившимся злым драконом, издавая мягкое едва слышное потрескивание. Слуги немедленно опустились на колени и осторожно произнесли: — С возвращением, Владыка Ахерос.

Как обычно, они ожидали услышать холодный ответ дракона "сгиньте". И тогда они бы ответили "да, Владыка Ахерос", и немедленно удалились.

Но в этот раз дракон сказал: — Ты еще не налетался?

Слуги были столь выдрессированы, что слова "да, Владыка Ахерос" уже были на кончиках их языков, но они замерли и проглотили их обратно — дракон произнес целых четыре слова!

И это был вопрос, в котором слышались нотки беспомощности и потакания.

Когда вопрос остался без ответа, он спросил во второй раз, заинтригованно: — Или ты можешь ступить лишь на землю Ада?

Слуги уже не могли сдерживать свое любопытство, услышав слова Ахероса. Они подняли головы, чтобы увидеть с кем разговаривает дракон. И они подумали, что видят ангела.

Это был прекраснейший юноша.

Он был осиян потоками света, проникающими через окна-розетки. Его золотистые мягкие кудри светились теплым светом, подобном солнечному. Кожа его была безупречно гладкой и молочно-белой. Но ярче всего сверкали его сапфировые глаза.

Словно Звезда Вифлеема, описанная в Святых Писаниях — яркие, чистые и ослепительные.

Даже лучшие барды и менестрели истожили бы себя в попытках воспеть столь великолепную красоту.

Слуги посмотрели на него и увидели бархатный ошейник на его шее и серебряную цепь, сжимаемую рукой дракона. И сердца их утонули в безграничном отчаянии — неужели этот злой дракон, низверженный в Ад, наконец достиг предела жестокости и насилия, похитив ангела, чтобы мучить его в отмщение?

Если даже ангелы, в чьей природе было заложено подавление адских обитателей, пали до столь плачевного состояния, как могли они, демоны, надеяться на лучшую судьбу?

И посреди своего отчаяния, они услышали ангела, чье отчаяние превышало их собственное, обратившегося к господину их дрожащим и трепещущим голосом: ...Ахерос?

Все кончено!

Он даже не добавил уважительного "Владыка".

Неужели злой дракон вырвет крылья ангела? Так же, как раньше их демонские крылья летучих мышей.

И слуги инстинктивно перевели взгляды на крылья ангела... э, но они их не увидели.

Слуги увидели лишь пару демонских крылышек, подобных им собственным, только ничтожно маленьких.

Эти крошечные крылья казались не подходящими для высокогорья, и, то ли боясь упасть с облаков, то ли пытаясь вырваться из лап злобного дракона, юноша отчаянно бил по воздуху крыльями.

Но рабское клеймо, выжженное Ахеросом на ошейнике, мог удалить лишь он один.

Юноша долго пытался снять ошейник, пока кончики его пальцев не покраснели и не распухли. Когда он осознал бесполезность сопротивления, биение его крыльев постепенно замедлилось, и он спросил со слезами на глазах: — Ты... ты... ты... Разве ты не умер?

— А ты не умер?

Ахерос принял донельзя удивленный вид. Черты лица его были четко выраженными и безупречными, так что даже такое выражение лица не выглядело шутковством.

И все же Енох находил его лицо особенно ненавистным, как и звук его голоса, и прикрыв свои уши, он прошептал: — ... я умер.

Конечно, разве не нужно сперва умереть, чтобы попасть в Ад?

А значит, для мертвого маленького демона вроде него вполне нормально встретить мертвого злого дракона?

Но Енох не был готов принять столь безнадежную правду.

— О нет...!

Он зарыдал и вновь начал отчаянно махать крылышками, пытаясь разбить окно-розетку, чтобы сбежать через него.

Окно-розетка разбилось от удара, больше не способное удерживать яростную метель снаружи. Ледяной ветер, принеся с собой иголки льда, ворвался в замок, мгновенно отбросив Еноха назад и едва не сломав его крылья.

Ахеросу пришлось оттянуть его в сторону за цепь, чтобы избежать порывов ветра, со смутным ощущением, что он запускает воздушного змея. Он добавил: — Хорошо, успокойся, 452-й, я позволю тебе сохранить твои милые крылышки. Я не буду их отрывать, так что не пытайся повредить себе.

Енох чувствовал себя глубоко униженным злым драконом.

Так что он пытался взлететь повыше к куполу, чтобы найти место, где бы он мог встать и в отместку свысока смотреть на Ахероса.

Но по пути наверх шкатулка из слоновой кости внезапно выскользнула из его одежд и упала вниз.

Зоркий и ловкий Ахерос немедленно подхватил ее.

Енох побледнел как смерть, и сменив направление полета, спикировал прямо на дракона: — Верни ее!

Ахерос поднял левую руку, слегка прихватив тонкую шею Еноха. Держа шкатулку в правой, он опустил взгляд, разомкнул губы и медленно прочитал проклятье, выгравированное на крышке:

— Кто бы ни открыл шкатулку сию с корыстью в сердце, душа того будет уловлена Енохом словно пташка.

Злой Дракон: — Ты еще не налетался?

Слуги: — Да, Владыка Ахерос.

Злой Дракон: — Или ты можешь ступить лишь на землю Ада?

Слуги: — Да, Владыка Ахерос.

Злой Дракон: — Я что, с вами разговариваю?

Слуги: — Да, Владыка Ахерос.

Злой Дракон: — Сгиньте.

Слуги: — Да, Владыка Ахерос.

<http://bllate.org/book/15719/1406667>